

В. Коровинъ.

ВУКОЛКА и НИКОЛКА

88 12

12.2
2.5

cp

К 681. ВВ

НА БИБЛИОТЕКУ
НЕ ПОДАЕТСЯ

В. КОРОВИНЪ.

К-681

ВУКОЛКА
И
НИКОЛКА.

Издание 3-е

1918.

88.182

662355 КХ-регк

19449

1957-58 г.

Российская государственная
детская библиотека

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

* ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА *
Дет. сек.
Моск. гос. ун-т. Подинститута *

Вуколка и Николка.

Родились, какъ-то разъ, въ деревнѣ два мальчика. Одинъ изъ нихъ, Вуколка, явился на свѣтъ зимой въ семействѣ самаго богатаго крестьянина той деревни, а другой, Николка,—пожаловалъ въ этотъ міръ лѣтомъ и сдѣлался сыномъ бѣднаго-пребѣднаго мужика. Вуколка уродился пухлымъ, круглымъ и румянымъ. Николка—худымъ и блѣднымъ. Голова толстяка Вуколки скоро покрылась мягкими и бѣлыми, какъ ленъ, волосами, тогда какъ долговязый Николка обросъ черной и жесткой щетиной.

Съ первыхъ же дней своей жизни, Вуколка показалъ себя кроткимъ и смирнымъ существомъ: съ соской во рту, онъ преспокойно лежалъ въ своей люлькѣ и отъ скуки разсматривалъ таракановъ, которые рѣзвились и бѣгали по занавѣскѣ. Тихій мальчикъ никого не беспокоилъ, развѣ закричить, когда опорожнить соску: аппетитъ у него былъ замѣчательный.

Николка былъ не таковъ. Этотъ ѣлъ мало, но зато минуты не могъ остаться покойнымъ, кричалъ, вертѣлся, рвался изъ пеленокъ, царапалъ себѣ лицо, вываливался изъ люльки на полъ,—однимъ словомъ, совсѣмъ измучилъ свою бѣдную мать.

Стали мальчики подрастать. Вуколка съ каждымъ днемъ раздавался въ толщину, Николка быстро вытягивался въ длину. Тихіе голубые глазки Вуколки по-прежнему покойно смотрѣли на міръ Божій, тогда какъ въ черныхъ, какъ уголь, глазахъ Николки постоянно искрился огонь какого-то безпо-

койства, нетерпѣнія и пытливости. Вуколка больше лънулъ къ матери; Николка, напротивъ, не отходилъ отъ отца. Вуколка любилъ, чтобы ему пѣли пѣсни или рассказывали сказки; а Николка не давалъ отдыха отцу, осаждая его различными вопросами, которые сотнями зарождались въ горячей головѣ этого мальчика.

— Тятка, гдѣ растутъ топоры?

— Дуракъ, развѣ они растутъ, — ихъ дѣлаютъ.

— А отчего лошади не ѣдятъ рыбы?

— Такъ, значить, имъ положено.

— А кто возить на небо воду?

— Никто не возить. Богъ посылаетъ дождь.

— А почему у мельничихи одинъ глазъ желтый, а другой зеленый?

— Такъ Богъ ее зародилъ. Да тебѣ что за дѣло? Пусть ее. Хоть — бы они у ней красные были, намъ-то что?

— А ты, тятка, на войнѣ былъ?

— Нѣтъ, не былъ!

— Я, тятка, хочу быть генераломъ.

— Что, что?

— Генераломъ хочу быть...

— А ты носъ-то утри, генераль.

Однимъ словомъ, Вуколка и Николка ни въ чемъ не походили другъ на друга: что имѣлъ одинъ, того не было у другого; что любилъ первый, того терпѣть не могъ второй.

Но, несмотря на это, когда Вуколка и Николка въ первый разъ встрѣтились на улицѣ, они остановились, долго смотрѣли другъ на друга и потомъ разомъ, въ одно слово, сказали:

— Давай играть!

И съ тѣхъ поръ стали неразрывными друзьями.

Какъ ни странно казалось это, однако оно случилось. Мужики часто усмѣхались, глядя, какъ бѣлокурый толстякъ Вуколка и черный долговязый Николка мирно играли гдѣ-нибудь

подъ сараемъ или у амбаровъ, поодаль отъ другихъ деревенскихъ дѣтей. Крестьяне были не въ силахъ понять, какъ могли сблизиться и такъ привязаться другъ къ другу эти два совершенно различные мальчики. Всѣ знали, что не только во внѣшности и наклонностяхъ Вуколки и Николки не было ничего сходнаго, но даже въ обстоятельствахъ ихъ жизни являлись постоянныя противорѣчія. Вуколка, на примѣръ, чувствовалъ голодъ именно въ то время, когда Николка былъ совершенно сытъ. Если Вуколка выходилъ на улицу вымытымъ, причесаннымъ, опрятнымъ, что случалось, впрочемъ, очень рѣдко, то заранѣе можно было сказать, что Николка появится грязнымъ и измазаннымъ больше, чѣмъ обыкновенно. Замѣтили даже, что, когда Вуколку ласкаютъ, гладятъ по головкѣ и кормятъ пирогомъ, то Николку въ это время непременно дерутъ за вихорь, а не то сѣкутъ. И наоборотъ.

Все это, однако, не мѣшало дружбѣ Ву-

колки и Николки, которая, напротивъ, росла съ каждымъ днемъ. Игры ихъ часто не клеились, возникали несогласія, споры, иногда дѣло доходило до драки, но они все-таки постоянно были вмѣстѣ. Скоро явились обстоятельства, которыя окончательно закрѣпили эту дружбу, убѣдивъ мальчиковъ, что имъ одному безъ другого невозможно жить на бѣломъ свѣтѣ.

Вуколка былъ силенъ не по лѣтамъ. Шестилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже таскалъ съ рѣки ведрами воду, кололъ дрова, вязалъ снопы и могъ легко управляться со многими другими сельскими занятіями, которыя впору только десяти или двѣнадцатилѣтнимъ дѣтямъ. Но онъ былъ неуклюжъ, неповоротливъ, медлителенъ. Николка, напротивъ, былъ жидокъ и безсиленъ, но зато быстръ, ловокъ и изворотливъ, какъ кошка; если на него нападали, то онъ спасался не силой, а находчивостью и ловкостью. Вуколка ломалъ, какъ медвѣдь, Николка извивался, какъ ужъ.

Вуколка обрушивался на врага всею тяжестью своего грузнаго тѣла и душилъ его сильными руками; Николка же изловчался [подставить ногу, ухватить непріятеля за больное мѣсто, рвануть сзади, щипнуть спереди, укусить за ухо и все это продѣлать съ такой быстротой, чтобы врагъ не успѣлъ опомниться и пустить въ ходъ свою силу. Поодиначкѣ Вуколка и Николка были не разъ побиваемы своими сверстниками, но когда они являлись вмѣстѣ, то представляли изъ себя въ глазахъ деревенскихъ ребятишекъ несокрушимую твердыню. И тутъ ужъ никто не смѣлъ обижать ихъ, зная, что въ противномъ случаѣ придется плохо. Пріятели наши, конечно, поняли, что только общими силами они могли завоевать себѣ въ деревнѣ такое прочное положеніе.

Вуколка почти всегда являлся къ своему другу съ карманами, набитыми разными сладостями. Отецъ его былъ богатъ, а мать любила побаловать своего Вуколушку,—поэтому

ему частенько перепадали сладкіе кусочки: пироги, крендели, лепешки, яблоки и проч. Все это добро Вуколка тащилъ къ бѣдняку Николкѣ и дѣлился съ нимъ самымъ добро-совѣстнымъ образомъ. Съ своей стороны Николка прилагалъ всѣ старанія, чтобы сдѣ-лать Вуколкѣ что-нибудь пріятное. Онъ ма-стерилъ своему пріятелю вѣтряныя мельницы, выстругивалъ телѣжки, лѣпилъ изъ глины кукушекъ и вырѣзывалъ изъ камыша такія свирѣли, что приводилъ Вуколку въ неопи-санный восторгъ.

Разъ, въ лѣтнюю пору, задумали пріатели прокатиться по рѣкѣ на лодкѣ. Но это была не лодка, а старое дырявое корыто, которое выбросили бабы на улицу за его негодностью. Николка увидалъ это корыто и сейчасъ же рѣшилъ сдѣлать изъ него „карапъ“. Маль-чики стащили тяжелую посудину къ берегу, законопатили трещины мхомъ, помазали дно дегтемъ и спустили корыто въ рѣку. „Ка-рапъ“ славно заколыхался на водѣ, пригла-

шая своихъ строителей къ путешествію. Вуколка былъ не изъ храбраго десятка и сначала не рѣшался пуститься въ это странствіе, которое казалось ему опаснымъ; но отважный Николка мигомъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія и такъ настроилъ своего друга, что тотъ первый шагнулъ за бортъ вновь устроеннаго судна.

— А ты править-то умѣешь? — спросилъ Вуколка.

— Чего тутъ умѣть-то?

Николка вооружился, вмѣсто весла, обломкомъ лопаты, прыгнулъ въ корыто, оттолкнулся отъ берега, и „карапъ“ отчалилъ.

Но тутъ случилось совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство. Едва пріятели очутились посреди рѣки, и Николка принялся усердно работать лопатой, неуклюжій Вуколка отъ страха началъ возиться и раскачивать корыто, которое подъ тяжестью мальчиковъ было погружено въ воду почти до самыхъ краевъ. Отъ неловкаго движенія Вуколки корыто

сильно качнулось и зачерпнуло. Вуколка струсиль еще больше, откинулся въ сторону, ухватился обѣими руками за край,—и тогда корыто повернулось, черпнуло другимъ бортомъ и медленно стало тонуть. Николка плавалъ, какъ утка, но зато Вуколка долженъ былъ немедленно отправиться на дно рѣки, въ гости къ рыбамъ. Онъ поблѣднѣлъ, затрясся какъ осиновый листъ и собрался тонуть. Николка, напротивъ, нисколько не растерялся: онъ швырнулъ лопату и, блеснувъ глазами, въ одно мгновеніе выпрыгнулъ въ воду, держась рукой за корыто.

— Прыгай скорѣй!—крикнулъ онъ Вуколкѣ такимъ повелительнымъ голосомъ, что тотъ, несмотря на страхъ, немедленно шлепнулся въ рѣку.

— Держись за край! командовалъ Николка.

— Перевернемъ корыто вверхъ дномъ,—тогда оно не затонетъ.

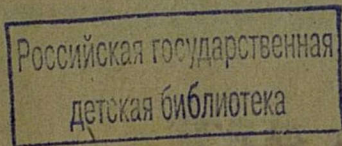
Вуколка сообразилъ въ чемъ дѣло. Онъ

поналегъ на корыто и въ одинъ пріемъ поставилъ его дномъ кверху. Тогда пріатели уцѣпились за свою утлую ладью, которая теперь твердо держалась на поверхности воды, и принялись болтать ногами, подталкивая ее къ берегу. Пять минутъ спустя, они благополучно выбрались на сушу и, мокрые до послѣдней нитки, отправились по домамъ.

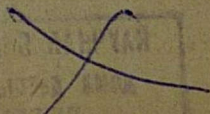
Вечеромъ въ деревнѣ всѣ уже узнали, что одного изъ мореплавателей напоили горячимъ чаемъ, обсушили и заботливо уложили въ постель, а другого высѣкли.

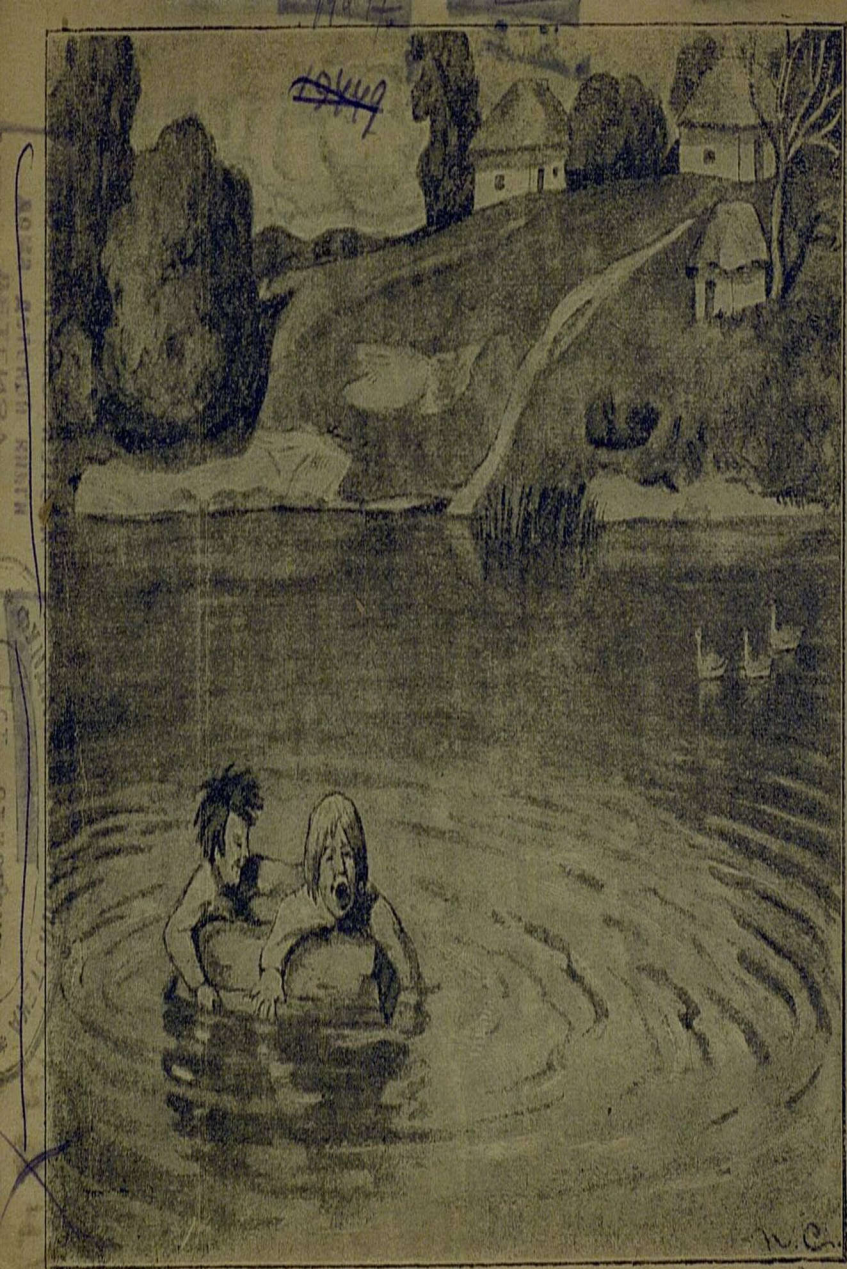
Въ другой разъ, какъ-то осенью, Вуколка и Николка отправились въ лѣсъ за дикими яблоками. Нашли громадную старую яблоню, всю обвѣшанную плодами. Принялись трясти дерево, но безуспѣшно: или плоды еще не были спѣлы, или они крѣпко сидѣли на своихъ корешкахъ, но только трудъ мальчиковъ пропалъ даромъ: всего два яблока свалилось съ дерева, да и тѣ оказались червивыми. Стали швырять въ яблоню палками, но и это

принесло мало пользы: палки прятались въ густой листьѣ дерева и почти не достигали цѣли. Оставалось одно средство: взлѣзть на яблоню и рвать плоды руками. Николка передъ этимъ зашибъ себѣ ногу такъ, что хромалъ, и потому теперь не могъ отправиться на дерево, хотя это было его дѣло: лазилъ онъ, какъ кошка. Стало быть, на этотъ разъ его долженъ былъ замѣнить Вуколка. Толстый, неуклюжій и неповоротливый мальчикъ кое-какъ, при помощи Николки, вскарабкался на первый сучекъ и хотѣлъ-было подняться на другой, но тутъ вѣтвь въ его рукѣ обломилась, онъ потерялъ равновѣсіе, опрокинулся и полетѣлъ внизъ. Къ счастью или несчастію Вуколки случилось такъ, что онъ не упалъ на землю, а крѣпко зацѣпился панталонами за сучекъ, на которомъ стоялъ, и повисъ въ самомъ непріятномъ положеніи. Несчастный внѣ себя заоралъ на весь лѣсъ, а въ то же время Николка разразился такимъ неудержимымъ хохотомъ, что заглу

662355

шалъ стоны и крики своего злополучнаго товарища.

Положеніе Вуколки было отчаянное. Снять его съ дерева было невозможно, потому что висѣлъ онъ довольно высоко, и Николка съ своей больной ногой не могъ взобраться на сучекъ и отцѣпить панталоны пріятеля, которыя такъ предательски поступили съ своимъ хозяиномъ. И Вуолка продолжалъ висѣть какъ груша, а пріятель его, схватившись за бока, въ судорогахъ катался по землѣ отъ душившаго его смѣха. Однако же надо было принять какія-нибудь мѣры, чтобы выручить Вуолку изъ бѣды. Лицо его налилось кровью, онъ отчаянно махалъ руками, но по толстотѣ своей не могъ изловчиться, чтобы схватить державшій его сучекъ и подняться на него. Вуолка храпѣлъ и звалъ друга на помощь.

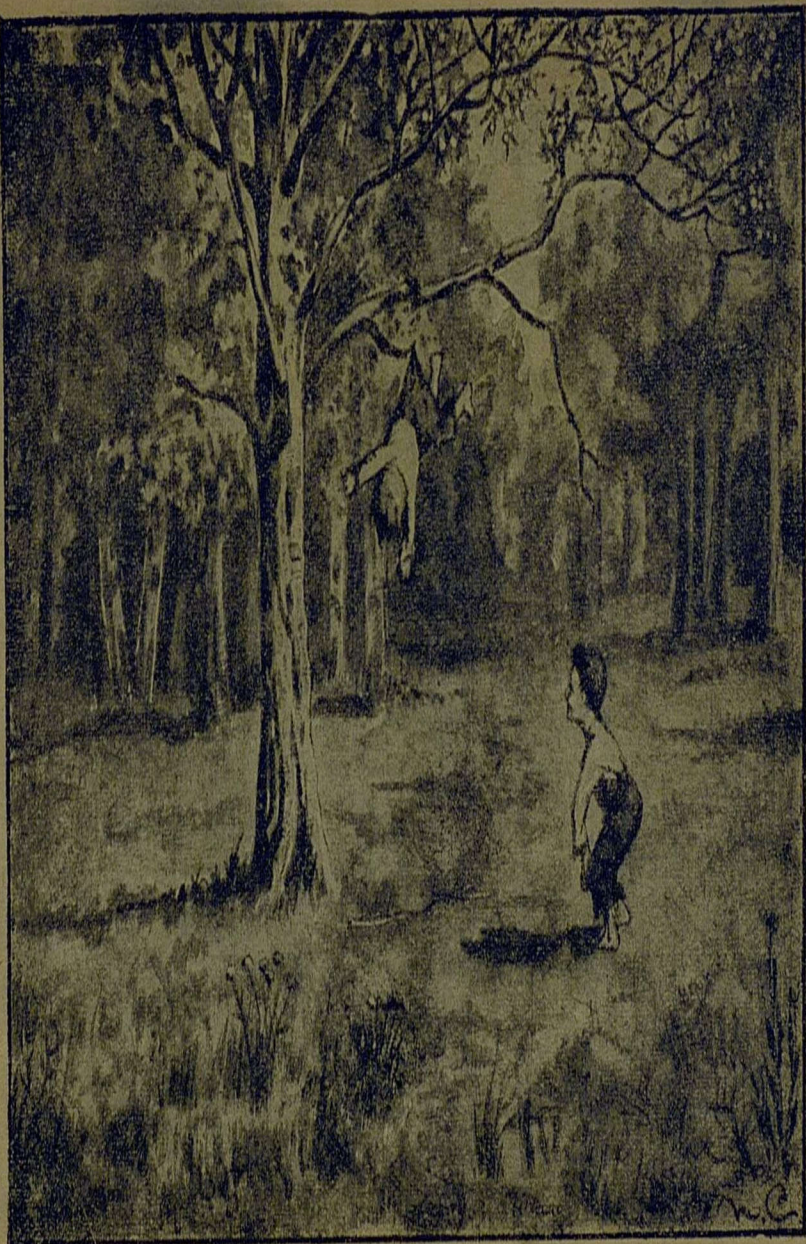
Вдоволь нахохотавшись, Николка поднялся на ноги и мигомъ придумалъ средство къ спасенію.

— Разстегнись! крикнулъ онъ Вуколкѣ.

Тотъ разстегнулъ пуговицы своихъ панталонъ и тотчасъ же вывалился изъ нихъ, какъ жолудь изъ ячейки, полетѣвъ внизъ головой на землю. Но тутъ подхватилъ его Николка и, насколько могъ, не допустилъ своего друга удариться сразмаха о жесткую почву. На сучкѣ остались висѣть однѣ панталоны. Съ помощью длинной палки ихъ легко, впрочемъ, сняли и затѣмъ помѣстили, куда слѣдуетъ.

— А вѣдь я бы не догадался, сказалъ Вуколка, когда пришелъ въ себя. Висѣть бы мнѣ тутъ до лѣта, когда дѣвчата за ягодами пойдутъ.

Если Николка стоялъ неизмѣримо выше своего друга въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было пускать въ ходъ находчивость, изобрѣтательность и ловкость, то въ дѣлахъ сердечныхъ, тамъ, гдѣ требовалось участіе душевной мягкости и теплоты, Вуколка являлся наставникомъ и руководителемъ своего

неразлучнаго товарища. Николка былъ уменъ, но безсердеченъ. Онъ съ наслажденіемъ раззорялъ птичьи гнѣзда, мучилъ собакъ, рвалъ мухамъ крылья и ловилъ въ западни разныхъ лѣсныхъ и полевыхъ пичугъ. Вуколка, напротивъ, сложился въ добраго, мягко-серднаго мальчика, врага и ненавистника всего холоднаго, бездушнаго и злого.

— Ты это зачѣмъ воронять-то изъ гнѣзда вытащилъ? спросилъ Вуколка у Николки.

— Что жъ такое?

— Какъ что-жъ? Небось у нихъ тоже мать есть. Вотъ если бы тебя у мамки отняли, чай она жалиться стала-бы, плакать.

— То мамка, а то ворона—возражалъ Николка.

— Дуракъ ты—вотъ что!—горячился Вуколка. А еще умный! Чай и птицъ жаль своихъ ребятокъ. Ты, Николка, лучше отнеси ихъ на мѣсто, а не то я тебя такъ тресну...

Николка не могъ понять, что собственно дурного въ его исторіи съ воронятами, од-

нако повиновался Вуколкѣ и дѣлалъ такъ, какъ послѣдній приказывалъ.

Мальчики росли. Когда у Вуколки умеръ отецъ, а у Николки мать, оставшіеся родители ихъ поженились, и тогда наши пріатели сдѣлались братьями. Они стали спать на одной постели, ѣсть изъ одной чашки и ужъ никогда не разлучались.

Наконецъ ихъ отдали въ школу. Наука давалась Вуколкѣ туго, у мальчика были плохія способности, и если успѣвалъ настолько, чтобы не отставать отъ своихъ сверстниковъ, то только благодаря необыкновенному прилежанію и усидчивости. Николка, наоборотъ, былъ отъявленный лѣнтяй, но съ рѣдкими дарованіями; по своей живой, вертлявой натурѣ онъ не могъ больше минуты останавливать вниманіе на какомъ-нибудь одномъ предметѣ; онъ томился и скукалъ въ душной комнатѣ школы, ему было тутъ тѣсно, его тянуло въ лѣсъ, въ поле, на просторъ и на свѣжій воздухъ. И часто

страсть къ бродяжеству и приключеніямъ отрывала бы Николку отъ занятій, если бы въ этихъ случаяхъ не являлся на помощь Вуколка. Добрый братъ и товарищъ всячески старался отвлечь Николку отъ побѣговъ изъ школы, а въ крайнихъ случаяхъ употреблялъ даже насиліе: просто бралъ Николку за поясъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не мирился съ своей судьбой и не давалъ клятвеннаго обѣщанія оставаться въ школѣ. Пользы отъ этого, впрочемъ, выходило мало: мысли Николки носились далеко отъ школьныхъ занятій. Бывало, натащитъ онъ съ собой разныхъ крючковъ, силковъ, мышеловокъ, инструментовъ и украдкой отъ учителя занимается починкой своихъ охотничьихъ снастей. Случалось также не разъ, что среди общей тишины, когда учитель объяснялъ мальчикамъ новый урокъ, въ карманѣ Николки внезапно поднимался воробьиный пискъ, и вслѣдъ за тѣмъ пернатые плѣнники съ шумомъ разлетались по

комнатѣ. Поднималась невыразимая суматоха. Мальчики срывались съ мѣстъ, гоняли и ловили несчастныхъ воробьевъ, а учитель былъ принужденъ прервать свое объясненіе. А потомъ, конечно, начиналась расправа... Или, ради общей потѣхи, поймаешь Николка большую муху, привяжетъ къ ней лоскутокъ бумаги и пуститъ летать съ этимъ украшеніемъ по школьной залѣ. Разумѣется, всѣ глаза устремлялись на муху и съ любопытствомъ слѣдили, какъ она медленно тащитъ по воздуху свою тяжелую ношу. Замѣчалъ, наконецъ, продолжку эту учитель, и — опять начиналась расправа.

Николку наказывали, но ничего не помогало; каждый день онъ продолывалъ какую-нибудь новую штуку. Вуколка съ грустью смотрѣлъ на своего друга, когда тотъ, бывало, по цѣлымъ часамъ стоитъ въ углу на колѣняхъ или остается въ школѣ, когда другія дѣти отправляются домой.

Наконецъ проказы Николки стали дѣлать-

ся невыносимыми. Учитель пригрозилъ, что исключить его изъ школы. Но шалунъ не унимался. Дошло до того, что однажды Николка пустилъ изъ маленькаго лука грифель и ударилъ имъ въ самый носъ учителя.

— Кто это? — спросилъ строго учитель, поднявшись съ своего мѣста.

Всѣ молчали.

— Кто это? — еще громче раздался вопросъ.

— Я, — отвѣтилъ, вставая, Вуколка.

Мальчики стали переглядываться и шептаться. Учитель былъ очень удивленъ, узнавъ, что самый тихій и кроткій ученикъ школы могъ сдѣлать такую гадкую штуку. На первый разъ онъ простилъ его, объяснивъ себѣ, что, вѣроятно, эта шалость произошла какъ-нибудь нечаянно и случайно.

— Ты это что выдумалъ? — спросилъ Николка у Вуколки, когда они въ этотъ день возвращались съ книгами домой.

— Тебя выгнали бы изъ школы...

Николка призадумался.

На другой день новая исторія. По классной комнатѣ, во время занятій, вдругъ запрыгалъ откуда-то взявшійся галченочъ съ привязанной къ хвосту мышью. Мышь тянула въ одну сторону, а галченочъ въ другую. Выходило престранное зрѣлище. Школьники не выдержали и разразились смѣхомъ. Учитель разсердился.

— Это чья штука? Кто это сдѣлалъ? — спросилъ онъ.

— Я, — отвѣтилъ Вуколка, не дожидаясь повторенія вопроса.

Николка дернулъ Вуколку за рубашку, но было уже поздно. Слово сказано, — его не поймаетъ.

Вуколка долго стоялъ на колѣняхъ.

— Ты это оставь! — мрачно говорилъ Николка своему пріятелю, когда они остались одни.

— Нѣтъ, не оставляю. Я всегда буду такъ.

— Тебя выгонять...

— Пускай выгонять. Я знаю, что не виновать.

Николку коробило отъ этого самопожертвованія. Онъ пріутихъ. Шалости стали повторяться рѣже, а потомъ и совсѣмъ прекратились. Николка сталъ воздержаниѣе, а Вуолка мысленно торжествовалъ побѣду.

Въ три мѣсяца Вуолка, при помощи своего прилежанія, научился сносно читать и довольно ловко выводить каракули въ своей тетради. Николка не зналъ еще ни одной буквы. Но какъ-то неожиданно нашелъ на Николку добрый стихъ, онъ принялся за дѣло и въ теченіе недѣли догналъ и опередилъ своего брата къ удивленію всей школы. А вслѣдъ за тѣмъ опять забросилъ книги и тетради на нѣсколько мѣсяцевъ. И такъ шло у него ученіе постоянно.

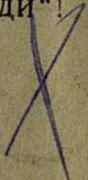
Наконецъ мальчики кончили свой школьный курсъ и принялись за обыкновенныя крестьянскія занятія: стали пахать, сѣять, ко-

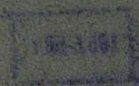
силь, молотить, дѣлать, однимъ словомъ, все, что требуется крестьянскимъ обиходомъ. Но тутъ стали замѣчать удивительную вещь: работа Вуколки и Николки спорилась и выходила годной лишь тогда, когда они исполняли ее сообща; но какъ скоро эти пріятели начинали работать порознь, въ одиночку, то заранѣе можно было сказать, что толку не выйдетъ. Сколотить Николка телѣгу,—смотришь, на другой же день она вся развалилась. А отчего? оттого, что Николка все дѣлаетъ второпяхъ, срыву, какъ-нибудь, лишь бы поскорѣе; онъ не можетъ долго заниматься 'однимъ дѣломъ какъ слѣдуетъ, старательно и покойно. Ну, и выходитъ все никуда нигоднымъ. Примется работать Вуколка,—промучается цѣлую недѣлю за такимъ дѣломъ, которое легко кончить въ одинъ день. Да и то не всегда удачно. Не было у него сноровки, ловкости и изобрѣтательности, которыми съ избыткомъ былъ надѣленъ Николка.

Прошло нѣскольکو лѣтъ. Вуколка и Николка сдѣлались взрослыми парнями. Къ тому времени отецъ и мать ихъ умерли. Братья рѣшили жениться и жить нераздѣльно одной семьей: они теперь совершенно убѣдились, что только при совмѣстномъ существованіи составляютъ нѣчто разумное.

Вуколка взялъ себѣ въ жены высокую, сухопарую и черномазую особу, а Николка женился на бѣлокурой и самой толстой во всей деревнѣ дѣвкѣ. Зажили они недурно, хозяйство шло хорошо, жены оказались добрыми и трудолюбивыми бабами.

Глядя на Вуколку и Николку, мужики покачивали головами и говорили: „уродятся же эдакіе люди! Если ихъ склеить да набить на нихъ обручи, то пожалуй выйдетъ хорошій человѣкъ; а такъ, въ отдѣльности, ничего не стоятъ: самые пустые люди“!

0111

32

19349

~~SECRET~~

Популярная историческая библиотека.

А. (общедоступная).

Борцы за народное дѣло — братья Гракхи. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Ова. Въ римск. циркѣ. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 20 к.

унова. Страна пирамидъ. (Египетъ). Изд. 4-е (печ.)

А. Кизеветтеръ. Первый общедоступный театр въ Россіи. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

С. П. Мельгуновъ. Протопопъ Аввакумъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

П. Мельгуновъ. Что такое исторія. Изд. 3-е. (печ.)

В. Керженцевъ. Будда и буддизмъ. Изд. 3-е. (печ.)

Серія Б. (для интелл. читателей).

К. В. Сивковъ. Крѣпостное право и русская изящная литература. (1762—1861 г. г.) Изд. 2-е. Ц. 65 к.

М. М. Богословскій. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Изд. 2-е. (печ.)

Его же. Бытъ и нравы русскаго дворянства XVIII вѣка. Изд. 2-е (печ.)

Его же. Конституціонное движеніе 1730 г. Изд. 2-е. (печ.)

Книгоиздательство „Задруга“.

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9; Петроградъ, Гоячарная, 24. Отд въ Харьковѣ: Горяиновскій пер., 11, кн. маг. „Народная Свобода“.